Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!
Так называемое крестьянское дело есть в то же время и дворянское дело: оно в равной степени затронуло интересы крестьян и помещиков, оно сдвинуло оба сословия с их векового подножия. Едва ли движение одного не находится в обратном отношении к движению другого, – но, как бы то ни было, несомненно, что все наше дворянство чувствует в настоящую минуту невольную потребность отдать себе отчет в своем современном призвании и значении. Казалось бы, уступка крестьянам части земли и права на личную свободу не должна была бы произвести существенной перемены в быту и общественном положении помещичьего сословия, – точно так же, как произведенный правительством в Пруссии, Саксонии и других странах Западной Европы выкуп крестьянских повинностей помещику, нисколько не изменил и даже в некоторой степени возвысил и очистил значение сословия немецких высокородных, высокоблагородных и просто благородных (Hochgeboren, Hochwohlgeboren, Wohlgeboren). Во всяком случае дворянство на Западе в обстоятельствах, подобных нашим, вовсе не задавало себе тех тревожных вопросов о своей судьбе, какими смущается теперь дворянство у нас в России. Почему же это так? Какая тесная связь существует между крепостным правом и сословным значением дворянства? Отчего мог родиться самый вопрос – что такое русское дворянство в настоящее время? И что же такое, в самом деле, теперь – русское дворянство?

Нам кажется, что разрешение этих вопросов необходимо для нашего общественного сознания, особенно в настоящую минуту, ввиду дворянских съездов и выборов, открытых, открываемых и имеющих открыться, в непродолжительном времени, в разных губерниях России и у нас в Москве.

Ответы на эти вопросы может дать только история, и потому, не вдаваясь в подробности, постараемся представить в общих чертах, как можно яснее и проще, исторический ход дворянского учреждения в России.

В России, – это уже неоднократно было замечено, – не было завоевания, как в Западной Европе, не было ни завоевателей, ни завоеванных, ни феодалов, ни вассалов, вообще никаких тех сословных стихий, какие существовали и еще существуют на Западе. Люди в России делились не столько по происхождению, сколько по наследственному роду занятий, и эта черта проходит сквозь всю нашу историю, до настоящего времени. Даже в современном уставе о податях мы видим, что подлежат записке в ревизию 100 (или даже более) разрядов людей, и каждый из этих разрядов имеет свои права и обязанности. Всякой согласится, что сословиями, в смысле западном, их назвать нельзя, хотя мы и говорим: сословие ямщиков, лашманов, горнозаводских крестьян, наборщиков Московской университетской типографии, служителей архиерейских домов и т. д. Очевидно, что главным основанием делению служит род и вид занятий, сопряженный с элементом наследственности, занятий, свободно и естественно передаваемых от отца к сыну. При этом, однако же, ничего похожего на касту не было, потому что перемена занятий была доступна для каждого.

Народ и дружина, служилое и земское сословие – вот главное деление русского населения в древней Руси, и в основании этого деления лежало то же начало, то есть род занятий, а также и отношение их к государству. Служилое сословие служило непосредственно государственной власти; его занятие было – служебное ремесло. Земля также тянула тягло в отношении к государству, служа ему платою податей, поставкою войска и работою на служилых людей. Ее занятие было: возделывание земли, промыслы и торговля.

Мы не входим здесь в исследование о происхождении дружины: составилась ли она из пришлецов или из туземных, выделившихся родов, – но дело в том,

что, когда сложился государственно-гражданский строй России, выступило ярко и это разграничение двух сословий: служилого и земского. Земля жила обычаем, под законом общинного быта и общинного поземельного владения; служилые люди не составляли общины, не знали общинного быта и общинного владения: деятельность их была личная, равно как и отношение к власти; землю получали они от государя, за службу и вместо жалованья, в личное пользование и владение, в пожизненное или потомственное, в поместье или вотчину. В пределах служилого сословия были разные степени или своего рода чины, обусловливавшие и различный вид службы; жильцы, дети боярские, дворяне, и другие; эти чины не передавались наследственно, и сын боярина не был боярином, но, оставаясь в служилом сословии, спускался на несколько ступеней ниже: то есть служилое звание, или, вернее, принадлежность к служилому сословию всегда удерживалась в потомстве и была наследственною, – сначала по обычаю, а потом и по закону. Служилый человек по этому самому, по унаследованному им роду занятий и обязанностей, весь принадлежал государству и, включенный в списки, состоял в его полном распоряжении (en disponibilite), был, так сказать, на службе от рождения до смерти.

Несмотря, однако, на эту наследственность прав и обязанностей, служилое сословие не носило в себе никакой аристократической стихии. Это всего лучше доказывается местничеством, странным учреждением, которое имело для служилого сословия значение связующего и сплачивающего (по замечанию Хомякова) цемента. Действительно, сословие, которого все значение заключалось в наследственной службе, должно было необходимо вести счеты и расчеты своим служебным трудам, потому что на них единственно и основывались их права и преимущества, объем их власти и участия в государственной деятельности. Честь полагалась не в древности рода, хотя и к ней не были нечувствительны наши предки, но в службе предков, – и потомок Рюрика (следовательно, безукоризненный, кровный аристократ с точки зрения западной) уступал Салтыкову или Бутурлину, человеку не столь древнего происхождения, но которого дед или отец исполнял служебное дело, высшее по значению, нежели дед и отец Рюриковича. Понятно, что начало наследственности и предания, взявши силу и породив местничество, естественным ходом вещей и властию обычая преградило вступление в служилое сословие лицам новым, из сословий земских, которые не могли опираться на заслуги предков, – и, действительно, кроме Минина, включенного в служилое сословие с чином думного дворянина, мы других примеров и не припомним.

Первою, значительною реформою в истории этого сословия было уничтожение местничества при царе Федоре Алексеевиче, уничтожение разрядных книг и учреждение бархатной книги, в которую записаны были все древние роды служилого сословия, но уже не на основании службы предков, а на основании родословном. Мы думаем, что такого рода учреждение, возникшее отчасти под влиянием Польши и выдвигавшее вперед древность рода и начало генеалогическое, может быть, и положило бы у нас основание аристократии, которой главным преимуществом была бы служба, то есть участие в делах государственных, – если б принцип аристократический не был противен нашим коренным народным началам. История обличила несостоятельность такой попытки. Скоро в лице Петра эта попытка образовать аристократию в России была сокрушена смертельным ударом.

Табель о рангах, несмотря на свое немецкое происхождение, сделала всякую аристократию в России невозможною. Выдвинув опять на первый план не происхождение, а действительную службу, она исключительную привилегию дворянства, службу, участие в делах государственных и достижение высших

государственных званий и почестей сделала доступными для всех сословий без исключения, проводя их по лестнице немецких чинов или рангов. Если бы чин означал только должность и не давал прав дворянских, то дворянство могло бы еще не смешиваться с постоянно прибывавшими во множестве служилыми людьми недворянского происхождения. Так в Германии до сих пор, даже высокий чин, сколько мы знаем, не везде дает право владеть имением Rittergut, – но в России этого различия никогда установлено не было, и чин или ранг получил у нас сословное значение: таким образом, табель разрушала в существе родословный или аристократический характер дворянства. Воспоминания о древности своего служилого рода были праздным утешением потомку древних бояр, сидевшему рядом в совете с пирожником Меншиковым (таково предание), с немецким солдатом Минихом, с немецким пасторским сыном Остерманом и со всеми теми, которых заслуги или милость царская возвели на высшие ступени государственной службы.

Мы забыли сказать, что видовое название дворян, означавшее прежде должность, мало-помалу, силою обычая, перешло на все старое служилое сословие, которое в первое время Петр окрестил было названием шляхетского. Название не удержалось, и очевидно, что он сам не отдавал себе ясного отчета в названии этого сословия. Первые преемники его пытались сделать из служилого сословия шляхетство или немецкую аристократию, думая согласить это начало с табелью о рангах, но попытки их были неудачны; вспомним хоть учреждение майоратов, впоследствии отмененное.

Итак, что же представляется нам в России со введением табели о рангах? Мы видим потомков древнего служилого сословия, записанного в книге древних родов, – с непременною обязанностью, но не с исключительным правом службы. Сохраняя свое служилое значение, но без всякого прежнего влияния на него службы предков и древности рода, – они утратили всякое родовое, генеалогическое или аристократическое значение, безразлично смешиваясь с новопроизведенными военными и гражданскими офицерами самого незнатного происхождения, нередко из крестьян и бывших холопов. Эти последние не могли гордиться ни древностью рода, ни службою предков, но были во всем равны, а нередко имели и преимущество над чиновниками и офицерами из древнего служилого сословия. И те и другие владели крестьянами, и на тех и на других работали крестьяне, видя в них людей служилых, независимо от происхождения, и продолжая считать, по допетровскому обычаю, свою работу жалованьем, данным помещикам от царя за службу. Теперь ясно, что из этих элементов не могло образоваться никакой аристократии, – но тогда это еще не всем было ясно.

Самый гибельный удар нанесен дворянству как сословию тем распоряжением, которому дворяне радовались тогда наиболее, – именно указом Петра III о вольности дворянства, то есть о праве дворян не служить. Древняя дружина была наконец распущена, и таким образом сокрушено было историческое основание дворянского сословия, именно его служилое призвание и значение (родовое, аристократическое значение было еще прежде сокрушено табелью о рангах). Из превосходного исследования г. И. Д. Беляева («Крестьяне на Руси») можно видеть, что этот указ о необязательности службы для помещиков породил волнения между крестьянами, вообразившими, что вместе с службой дворян государству кончалась и их служба дворянству, имевшая одно общее историческое основание.

Вслед за Петром III, Екатерина, подтвердив указ о вольности дворянской, собрала распущенную дружину и связала ее узами привилегированной

сословности. Тем не менее ее знаменитая Грамота не могла создать русской аристократии.

Если аристократию полагать в древности рода, то ни граф Разумовский, ни все те, которым фаворитизм давал чины и титулы, не могли бы принадлежать к сословию дворянскому… Но такое распоряжение (относительно древности рода) не только не было возможно после пролома, произведенного табелью о рангах, но едва ли даже и заявлялось в то время кем-либо из дворян как требование: до такой степени это не в наших нравах, что несмотря на всю нашу подражательность, ум и талант не подлежали и не подлежат у нас той сословной оценке, какая существовала и существует в некоторых местах на Западе. Вопроса о том, например, tafelfahig ли, то есть имеет ли «правоспособность» обедать за придворным столом сын сельского священника, государственный министр Сперанский, у нас никогда бы и возникнуть не могло, тогда как в Германии, например в Ганновере, только считающий 40 поколений генеалогической линии владеет способностью и правом быть принятым ко двору; у нас теперь никому и в голову не приходит, чтобы недоученный Рюрикович имел более прав на службе, чем ученый кандидат университета, хотя бы происходивший из бывшего крепостного сословия, и т. п.

Далее: если аристократию полагать, – как, между прочим, в Англии, – в праве и обязанности непосредственного по рождению участия в делах государственных, то отмена обязанности служить, которой так обрадовались дворяне, делала и это основание невозможным.

Оставалось только дать, без особенного основания, привилегии дворянскому сословию; они и были даны, но, конечно, не одним древним родам, уже заслоненным новыми, а древним родам и чинам, дававшим дворянское достоинство. Таким способом образовалось у нас пожалование потомственного дворянства – в смысле обратном и, как нам кажется, несколько неправильном относительно языка, то есть не в том смысле, что слово «потомственный дворянин» означает потомка дворян, а в том, что будущие потомки ново-пожалованного дворянина делаются дворянами. Доступ в дворянское сословие был по-прежнему открыт каждому, по лестнице рангов.

Итак, только привилегии давали дворянству тот сословный характер, который оно имело в древности как служилое и как родовое и который утратило с табелью о рангах и с указом о вольности дворянства.

Главнейшею и существеннейшею привилегиею было крепостное право, право владеть землями населенными, личностью и трудом крестьянским. Крестьяне продолжали по-прежнему, по стародавнему, тянуть тягло, платить подати государству и отбывать повинности помещикам, – но сами помещики были уже иные, не служилые люди и не все древнего служилого происхождения. Всякий обер-офицер делался столбовым дворянином, назывался благородным (то есть, если понимать буквально, ему жаловались благородные предки), а потому мог быть и помещиком.

Так, с разными неважными изменениями, продолжалось и до нашего времени.

19 февраля 1861 года уничтожило на веки веков крепостное право, а с ним и существеннейший признак дворянского достоинства, то есть привилегию. – В самом деле, чем de facto и de jure отличается теперь дворянин от прочих сословий? Населенными землями, по окончании выкупа, будут иметь право владеть и купцы, и крестьяне. Избавление от телесных наказаний будет, вероятно, когда-нибудь распространено и на прочие сословия. Избавлением от рекрутства пользуются и купцы, – да эта повинность, может статься, будет также переорганизована правительством. Избавление от платежа податей, вероятно, не избавит от платежа поземельного налога… Что же остается? Право службы? Оно, еще со времен Петра I, предоставлено всем.

Древность происхождения? Но как определить ее? Если считать древним род – хотя бы только столетний, то значительную часть дворян пришлось бы исключить из дворянского сословия! Поземельное владение? Но это право принадлежит в русской земле всем. Богатство? Оно на стороне купцов, капиталистов-торговцев, но не дворянства…

Что же делать, как быть?

Очевидно, что объем и определение земства в настоящее время расширились. Распущенная дружина обращается домой, в земство, и вносит в него новые элементы. В земстве, мы видим, или скоро увидим, два начала, две бытовые стихии: начало общины и начало личности, начало общинного поземельного владения и начало личного поземельного владения общинников-крестьян и личных землевладельцев, большинство которых едва ли не исключительно составляют теперешние дворяне. Других делений нам не предвидится. Взаимный союз этих двух стихий, чуждых замкнутости, исключающий взаимную односторонность; их искреннее сближение и дружное действие; сближение, не внешнее только, но и нравственное, в области исторических и духовных общенародных начал, могли бы служить, кажется нам, залогами богатого будущего развития…

Но это в будущем. А что предстоит делать теперь, с сохранением верности народным историческим началам, о том мы отложим беседу до следующего раза.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!